

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Казалось бы, судьба смеялась над этой женщиной. Татьяна Окуневская была известной актрисой, звездой советского кино, но большую часть жизни прожила в забвении. Ее знаменитый муж боготворил ее, но он же и предал. Она могла вцепиться пощечину любому, кто осмелится ее поцеловать, но не сумела защитить себя от изнасилования. Она шла к славе и богатству, а оказалась в тюрьме.

Мужчины сходили с ума от ее красоты, а она никогда ее не замечала. В нее были влюблены Михаил Светлов и Николай Садкович, Леонид Луков, Николай Охлопков и Эмиль Гильельс. Иосиф Броз Тито осыпал ее черными розами. А она нашла настоящую любовь в сталинском лагере.

— Татьяна Кирилловна, я наемни открыла справочник, там значится, что вы 1919 года рождения. А вы отмечаете свое восьмидесятипятителетие. Это опечатка?

— Действительно, везде написано по-разному. На самом деле я 1914 года, и это даже не опечатка. Виктор Абакумов (министр госбезопасности СССР 1946—1951 гг. — К.П.) перед тем, как его пришли арестовывать, начал уничтожать все документы. Мои он тоже сжег, потому что среди них было письмо Сталину, которое я написала из лагеря. Поэтому, когда меня освободили, я оказалась человеком без биографии, даже фотографии мои были уничтожены. Восстановление документов потребовалось просто в фарс. В Союзе кинематографистов, выдавая мне какие-то справки, почему-то перепутали год. Мой фильм шел по телевидению, а на экране, а нужно три живых свидетеля, что это я. Бред!

— Абакумов — один из тех мужчин, которых вы отвергли. Вы не считаете, что стали жертвой личной мести с его стороны?

— Конечно. Раньше он меня добивался, а потом уже просто мстил. Я ведь однажды дала ему пощечину, когда он полез ко мне целоваться. Тогда я даже не знала, кто он. А он запомнил ту пощечину на всю жизнь. Это он посадил меня на 14 месяцев в одиночку. Сказал: "Я хозяин, и сдохните здесь". Вашему поколению не понять, какое это страшное преступление — держать человека в приговоре в следственной тюрьме. Четырнадцать месяцев в одиночке — это ужас, это железная маска.

— Вы можете сказать, что был конкретный человек, из-за которого вы попали в тюрьму? Вы знаете, почему вы туда попали?

— Нет, этого никто не знает. Я бы много сейчас отдала... Ну, не много, но несколько месяцев жизни отдала бы, чтобы понять это. Я не думаю, что это Берия. На что я ему нужна была?

— Но ведь у него тоже были поводы затаить на вас злобу?

— Ему было не до этого. Хотя то, что он сделал со мной, я считаю настоящим изнасилованием. Это отвратительно. Он вообще был сексуальный маньяк. Да, я говорила ему гадости. И пока возможно было, дралась. Причем я удивилась, что он на старую женщину кинулся — на тридцатилетнюю. Ведь ему приводили двенадцатилетних девочек.

В тот вечер меня пригласили на кремлевский концерт после военного совета со Сталиным. Муж (известный в те годы писатель Борис Горбатов. — К.П.) был в отъезде. За мной должен был заехать Берия. Ни намека на опасность. Прибыла роскошная машина во главе с полковником, который его охранял. По дороге Берия сказал, что совет затягивается, надо подождать в его особняке. Там все и произошло. А во второй раз, когда я уже ни за что не вышла бы из дома, он выманил меня обманом. Сказал, что нужно серьезно поговорить по поводу мужа. Я думаю: "Господи, что-нибудь на фронте с ним!". Подошла к машине, тот же полковник меня туда втолкнул и привез на дачу. Берия делал страшные гнусности — жаба, мерзкая жаба. Он ставил меня раздетую на стол. А я была беспомощна.

Но тюрьма тут ни при чем. Я не нужна была ему. Ну, наговорила дерзостей, подумав. На все его требования, разговоры я очень резко и дерзко отвечала. Он бесился, но...

— А вам не страшно было? Может, это звучит цинично, но не проще ли было смириться, ведь могли бы и жизнью расплатиться?

— Ну, во-первых, я абсолютно бесстрашная. А что касается сохранения жизни, то я боялась не за себя, а за моих близких. Ведь на тот момент арестованы были все — папа, баба (бабушка. — К.П.) и мой любимый двоюродный брат. По дороге на эту дачу у меня была мысль — кинуться ему в ноги и выпросить их. Но это значит потерять себя. Это — конец. И несколько раз я почти что пыталась. Думаю, сейчас вот я должна встать на колени и просить. Но не могу, не могу, не могу. Так воспитан отцом. Это невозможно для меня. Меня ж горло отец. Уж как я ему благодарна сейчас.

РАБА ЛЮБВИ

Татьяна ОКУНЕВСКАЯ: "Советские мужчины — это обезьяны"

Сталину". Сталин! Он не может знать весь этот ужас, что по 600 человек в ночь расстреливают. Я такая наивная была! И это, наверное, мое счастье, что я такая же наивная и осталась.

— Вы верили в Сталина?

— Конечно. Я же на этом воспитана была. Это теперь я уже все понимаю. Только год назад мне прислали из КГБ документы, что и баба, и папа были расстреляны в Бутырке. Я спокойно еще не могу об этом говорить. О себе могу, а это... И иногда я думаю, думаю. О чем я думаю? О том — раздевали их или нет. Теща стояла рядом с зятем раздетая? В лицо им стреляли, в глаза или в спину? Только это где-то внутри, а так я очень счастливый человек.

— После ареста вы хоть раз писали мужу?

— Боже сохрани! Он же отказался от меня. Маму выгнал из дому. Пришел наш друг, который пил-ел из маминих рук, — режиссер Фридрих Эрмлер. Волновался, пятнами покрывалась весь, но все-таки зашел к маме в комнату и сказал: "Евгения Александровна, милая-дорогая, Горбатова вызывали в партком и сказали, чтобы даже фамилии вашей в его доме не было. Пожалуйста, удалитесь". Не знаю — вот я бы не могла! Это! сделать! Когда мама мне все рассказывала на свидании на вахте, она рыдала навзрыд. А я — ха-ха, ха-ха. Думаю, если и я заплачу, сразу свидание прекратят. Мне же сказал начальник лагеря: пара слез — и все свидания будут закончены.

— А ваша дружба с Константином Симоновым? К нему вы как относились?

— Он пытался за мной ухаживать, очень не красиво по отношению к Борису. Потом сложилась как бы дружба, но несколько злая. Мужчины не любят, когда им отказывают. У Симонова жуткий был характер, жестокий, честолюбивый. Но я не хочу во всем этом моем коммунистическом окружении разбираться. Они ни в чем не виноваты, они так воспитаны — предавать, друзей подписывать под расстрелы. Как Фадеев. Но у Фадеева хватило силы воли застрелиться из-за этого. А эти жили, карьеру строили. Родную маму надо было предать — они бы предали. Горбатов скрывал, что он еврей. Значит, без Симонова он ничего не мог. Симонов его тащил. Жуткая, бессмысленная, написанная наспех книжка Горбатова "Непокоренные" получила Сталинскую премию. В общем, все они подонки.

— Сейчас вы так категоричны, а тогда хоть чуть-чуть вы были влюблены, в того же Горбатова?

— Никогда! Я вышла замуж, потому что уже побила, все арестованы, есть нечего. Борис благородно поступил, что он, коммунист, предложил мне брак. Он встал на колени, театрально и глупо — он некрасивый был, — где-то в луже, на даче. Сказал: "Будьте моей женой".

— Правда, что, когда вы вышли на свободу, в вашей квартире жил Менглет?

— Да и сейчас живет. Я прохожу мимо и в окна всегда смотрю. Ну хорошо, я сука, проститутка, спидница. Не знаю кто, но я шесть лет отсидела в лагере. А когда освободилась — у меня ни кола, ни двора. Горбатов женился на Архиповой (актриса Тетра сатиры, которая после смерти Горбатова вышла замуж за артиста того же театра Менглета. — К.П.). Все остальное у него — квартира, вещи. А мне комнату не дают, надевать нечего. После освобождения я какое-то время жила у дочери, но я никогда не хотела жить с детьми. Сейчас они меня ждут — "мамуля-мамуля". А то было бы: "Вот, старая дура, опять приехала". В нашей стране нельзя жить вме-

сте. Лучше на улице, но не с детьми — чтобы сохранить семью, чтоб были хорошие отношения.

— А как сохранить красоту? Я смотрю на вас, и мне трудно поверить, что вам 85 лет.

— Не знаю. Лариса Васильева, которая первая про меня написала в "Кремлевских женах", даже предлагала мне издать книжку об этом. Говорила, что женщины спрашивают, женщины просят. Мы с ней сидели вдвоем, и я сказала: да, есть великие учения, йоги, гимнастики, диеты, а начинать надо с того, что подмываться два раза в день: утром и вечером. Я без юмора это говорю. И обязательно должна быть мышечная нагрузка, телу нужно двигаться. И еда! У нас кошмарная пища. Я человечество не понимаю. Хотя я обожаю американцев и их философию, но как они едят и что они едят — это ужасно!

— Наверное, без секса, без любви красоту тоже не сохраняют?

— Да. Иначе женщина будет затухать, затухать и увянет в молодости.

— Вот вы много раз в жизни были влюблены?

— Ой!!! (Это "Ой" значит бесконечно много. — К.П.)

— Ну вот, а говорите — тот мне не нравился, этого я отвергла...

— Это я говорила в человеческом смысле. Если человек не мой, я быстро его обходила. А мужчин я себе придумывала. Вот вижу кого-нибудь, как Попович... Вообще, иностранные коммунисты по сравнению с нашими — как современный человек рядом с обезьяной. Они другие были, совершенно европейские, они не ели руками, как наши. Увижу такого мужчину — воспитанного, чисто вымытого — и думаю: "Вот очарование". А потом выясняется — дурак, пустое место. Поэтому у меня все быстро проходило, но флирты очень часто были, очень.

— А кого вы любили по-настоящему?

— Больше всего я любила Алексея. Мы встретились в лагере. Но меня освободили раньше, а он там и погиб. С ним я собиралась до конца дней быть вместе. Это была настоящая любовь, зрелая. Ведь в каждом возрасте любовь совсем разная. В юности я была влюблена в первого мужа Варламова. Он вешался, стрелялся, такой был роман! Папа на колени умолял, чтобы я замуж за него не выходила. Он сказал: "Это человек не нашего круга". Я говорю: "Папочка, как тебе не стыдно!" А он был так прав! Это великая фраза. Может быть замечательная любовь, страсть, но если человек твоего круга, то ничего не выйдет. Потом был Попович и Алексей. Пожалуй, все. Остальное — увлечения, флирты, связи. Я изменяла Горбатову. А вот Варламову — нет. Горбатов знал, но молчал, а Варламов ревновал, как безумный. Так всегда бывает, когда не изменяешь. Я уже дочь родила и приходила к папе с синяками на шее. Это Варламов меня душил, потому что я на съемке на 30 минут задержалась. Это же идиотизм! У мужчин ревность — это болезнь.

— А вам не свойственна эта болезнь?

— Абсолютно нет. Горбатов, например, меня обожал, и я была уверена, что при такой любви он мне не изменит! Но следователь наемнул: "Вы, — говорит, — знаете про огневые точки Горбатова?" Я начала вспоминать, как лет десять назад, предлагая мне выйти замуж, Борис рассказывал: "У меня было несколько женщин, и когда подступит, я выбирал одну и ехал к ней на сутки. Я называл это "огневые точки". Поэтому я следователю говорю: "Да, вспоминаю, но это же было в его юности". А он так с иронией: "Да?" Я изумилась: "Вы что, хотите сказать, что он мне тоже изменял?" Он не ответил, но тут уже было невозможно не понять. И как только возникает что-то подобное, даже если и была любовь, она у меня сразу проходит. Совсем! А еще с моей эмоциональностью я сразу начинаю представлять — кто эта женщина. Мужчина спяну где угодно может быть и с кем угодно...

— Я знаю, что у вас было некое подобие конкуренции с актрисой Валентиной Серовой, женой Симонова. А вот Любовь Орлова? Она ведь в те времена была как сейчас Алла Пугачева на эстраде — законодательница и живая легенда.

— Нет-нет, ничего общего. Не обижайте Орлову. Алла — самородок, абсолютно безкусный, неинтеллигентный. Как все талантливые люди, со своим психом. Я оцениваю ее талант, но чтоб жить с таким мужем! Я не понимаю.

А Орлова не была похожа на большинство звезд. Она была интеллигентна, неплохая артистка. Для нас мы все одинаковые, а для меня это старшее поколение — Макарова, Орлова, Маречка. Мои ровесники — Серова, Бернес, Андреев, Петя Алейников, мой дружок обожаемый. Удивительный человек, и даже пил он интересно. Обычно ни капли в рот не брал. И вдруг увидит какую-нибудь страшную несправедливость или грязный скандал — и у него запой на месяц. Так же моя подруга Ольга Берггольц пила. Как-то они с интеллектуальной точки зрения пили, но могли примириться со всей этой дрянью.

— Вы довольны своей актерской судьбой?

— Что вы, меня же забыли давно. Последнему поколению моих поклонников 60 лет, младше меня уже не знают. И я по-настоящему не понимаю, почему меня еще любят. Я же ни одной большой роли не сыграла. И потом — как вождем нужен гениальный, так и режиссер нужен гениальный. А где он? Его нет. Ну нельзя делать спектакли про половые акты, неинтересно, скучно. Лучше ночью порнографию посмотреть. И кино сейчас неинтересное. Я телевизор включаю, только когда меня показывают! Кто-то спросил: "Вы смотрите мыльные оперы?" — я даже обиделась.

— Почему после освобождения вы больше не вышли замуж?

— Я решила — лучше отрублю себе руку. Так и сказала дочери: "Если я заговорю про замужество — сразу вызывай психиатрическую неотложку". А любовники были изумительные. Но это все-таки не то. Сейчас я счастлива абсолютно! Я хочу пропеть гимн старости. Потому что мне открываются такие вещи, которые еще десять лет назад никогда бы не пришли мне в голову. Если ты здоров, не марзматики и не склеротик, то старость — это счастье. Знаете, живут же великаны, огромные негры, рукой могут мамонта убить, а вождем у них — такой маленький старичок. Мудрость, мудрость...

— Наверное, ваше счастье просто внутри вас. А в тюрьме были моменты, когда вы чувствовали себя счастливой?

— Там с этим трудно. И то! Грандиозные вещи мне посылает Бог! На Лубянке в общей камере я познакомилась с Нэди. Русская чешка, сдержанная, интересная, чудная фигура, ноги. Она балльные туфли поменяла у арестованной цыганки на какие-то шkreбы. Я стала за ней наблюдать. Она сначала колющая была, потом потихоньку началось — началось и вылилось в такую дружбу! Она научила меня сплести верблюдов. Сказала: "Если мы не будем спать — нам конец. Чтоб заснуть, считайте, как верблюды ходят по пустыне". Я все пустыни обошла, всех верблюдов пересчитала.

Было ясно, что ее расстреляют. Она родилась в Германии, отец немец. Поймали ее с мужем тоже где-то в Германии, его расстреляли на Лубянке. Курила она очень много — этот жуткий "Беломор". Однажды, когда мне было совсем плохо, она вдруг берет и протягивает мне свой "Беломор". Для курящего человека это больше, чем хлеб отдать. Нэди семь лет просидела под следствием — это страшнее каторги и расстрела. Люди сходили с ума, а она держалась. И глядя на нее, я впервые поняла, что я тоже должна перетерпеть и выжить. Потом Абакумов посадил меня в одиночку. Камера была почти рядом, и я слушала ее шаги. Эти цыганские шkreбы я бы среди миллионов узнала. Но не было ее шагов — ее расстреляли. И я попрощалась с ней.

Сейчас, после выхода книги, мне приходит уйма писем. Среди них попало одно маленькое: "Татьяна Кирилловна, если захотите, позвоните. Вы для нас там были лучиком". Я поняла, что это из лагерной жизни, и позвонила. Говорю — это Окуневская. Там такая пауза! Так, наверное, впервые прыгают с парашютом. Я начинаю шутить: "Ой, у меня было столько лагерей, а вы с вами в каком сидели?" Там опять жуткая пауза. И вдруг — "В тюрьме". Тут уже падала с парашютом я. Я спросила — Нэди? Она говорит — да.

Оказалось, ее просто выбросили из тюрьмы на улицу перед самым концом Сталина. Дали другое имя, другое отчество, фамилию и выставили за эти знаменитые железные ворота.

Вот сейчас мы с ней встречаемся. Мне 85, ей 82. Прошло 50 лет.

Катя ПРЯНИК.

Фото Александра КОРНЮШЕНКО

— Вы серьезно?

— Да-а! Ой, какое это счастье. Хотя тогда я, наверное, на него сердилась, но сейчас я понимаю. За предательство он мог бы мне отрубить руку. Если я приходила жаловаться на какого-нибудь мальчишку — я же и получала. "Не жалуйся", — говорил он мне. Все, что во мне есть хорошего, — это папа.

— Вы с юности ощущали себя красивой женщиной?

— И тогда, и теперь — вообще никогда не ощущала. И некогда было. Я и сейчас, на старости лет, забываю к зеркалу подходить. Что мне смотреть — где какие морщины появились? Боже сохрани! Нет-нет, я уже сложившийся и другой человек.

— Насколько мне известно, нравы в те годы были достаточно аскетичные и суровые. В какой обстановке воспитывали вас?

— У нас была бедная семья, очень интеллигентная. Коммунальная квартира, скандалы, хулиганы, нищета. Из школы меня два раза выкидывали как дочь врага народа. Я приходила домой в слезах, а папа говорил: "А зачем ты ранцем дралась с мальчишками? Почему у тебя ботиночки всегда не чистенькие? Я начищала ботиночки, перестала драться ранцем — и опять из школы выкидывают. Я говорю: "Знаешь, папучь, тут дело не во мне". И тогда только я узнала, что мы — лишенцы.

— Откуда же взялись все ваши манеры, речь, осанка? Это гены?

— Не знаю. Я с шестнадцати лет работала, чтобы прокормить маму, а потом и крошку-дочь. Фактически всего три года — с 45-го по 48-й, когда меня забрали, — я жила так называемой святой жизнью. А собак-то навешали, сплетен — это что-то страшное. И в общем... правильно меня арестовали. Ну, не была я одной из них!

— У вас ведь был еще один весьма знаменитый поклонник — югославский лидер Броз Тито.

— Да, Тито. Это было прекрасно, из какой-то другой оперы, другой век. Абсолютно платоническое

Окуневская Татьяна

06.03.99